

А Н А Р

принять его. Около дома Румия вышла из такси, а Фуад поехал дальше.

* * *

Такси остановилось перед Аллеей почетного захоронения. Из машины вышли Фуад, сидевший впереди, и Румия, сидевшая сзади. Забрав из машины большой букет цветов, Фуад сказал водителю:

- Подожди нас, мы скоро будем.

Водитель: - Я не смогу тут долго стоять. Оштрафуют.

- Мы быстро вернемся, - ответил ему Фуад.

Фуад и Румия зашли на кладбище, подошли к могиле из черного мрамора с надписью ШЕВГЮ ШАФИЗАДЕ (1911-1987) и возложили цветы. Скульптурный памятник покойному в человеческий рост, казалось, смотрел на них угрожающе и несколько укоризненно. Румия, недовольно окинув взглядом могилу, находящуюся рядом, сказала:

- Как будто другого места не нашлось, и здесь они должны были быть рядом.

На находящейся справа могиле было написано: ФУАД САЛАХЛЫ (1918-1976). На надгробном камне из белого мрамора выделялся барельеф покойного, созданный его женой, скульптором Солмаз. Фуад Мехдиев, которого, чтобы отличить от Фуада Салахлы, все называли "маленьким Фуадом", внутренне усмехнулся. То ли случайно, то ли умышленно скульптура Шевгю и барельеф Фуада Салахлы смотрели в противоположных направлениях, словно отвернувшись друг от друга.

Румия достала белоснежный платок и вытерла слезы. Фуад сказал:

- Пойдем, таксиста оштрафуют.

- Ты иди, я сейчас приду.

Фуад направился к выходу. Румия еще ближе подошла к памятнику отцу. Провела ласково рукой по голове, лицу, затем быстрым шагом пошла за мужем и догнала его. Они сели в такси, Фуад назвал водителю адрес, и Румия с легкой иронией произнесла:

- К Отгай беда идешь на поклон?

- Гасым передал ему мою просьбу.

Румия горестно вздохнула:

- До чего же мы дошли, нуждаемся в хохлатых Гасымах.

Фуад промолчал. Гасым когда-то, в давние времена, был водителем Шевгю, а затем и Фуада. Румия выросла на его глазах. И сегодня этот достигший преклонных лет, но не отказавший от своей работы мужчина является водителем Отгай. Фуад, несмотря на все усилия так и не сумевший связаться с Отгаем, наконец, через Гасыму передал ему просьбу

Машина Отгай, за рулем которой был Гасым, остановилась перед их управлением.

Гасым: - Брат Отгай, ты не забыл, что брат Фуад придет к тебе?

Отгай, коротко бросив: - Не забыл, - вышел из машины.

Не желая столкнуться с людьми, которые обычно поджидали его, чтобы обратиться со всевозможными просьбами, Отгай, не оглядываясь по сторонам, быстрыми шагами направился ко входу. В тот самый момент, когда уже должен был войти в дверь, он услышал женский голос:

- Отгай!

Отгай обернулся. И увидел женщину с белоснежной сединой. На улице кроме нее никого не было. Голос показался Отгаю знакомым, кроме того, ведь она как близкого человека назвала его по имени. Отгай внимательно присмотрелся к ней и вздрогнул:

- Эсмер? Это ты?

Эсмер подошла ближе и протянула руку.

- Да, это я, - сказала она, - хорошо, что узнал. Я сильно изменилась?

У Отгай не повернулся язык сказать правду, да и обижать Эсмер он не хотел. Поэтому лишь сказал: - Какими судьбами? Когда ты приехала?

- Неделю назад. Телефон твой не отвечает, поэтому решила подождать тебя здесь. Знаю, что ты очень занят. Но не мог бы ты уделить мне пять минут?

- Конечно, что за вопрос. Проходи.

Они поднялись на второй этаж. В приемной их приветствовала Нелли, еще со времен Фуада Мехдиева работающая здесь секретарем. Отгай открыл дверь своего кабинета, пропустил вперед Эсмер, затем вошел сам и вновь повторил вопрос, который только что задавал:

- Ты когда приехала?

- Неделю назад.

- Что-то случилось?

- Да, случилось. Не слышал? Джамал умер.

Отгай с сожалением в голосе произнес:

- Нет, не слышал. Да упокойт Аллах его душу.

- После смерти Джамала нам жить в Москве стало очень тяжело, - сказала Эсмер. - И нам пришлось вместе с Хумар, дочкой моей, вернуться в Баку.

Отгай был ошарашен. Эта неожиданная встреча, сильно изменившаяся Эсмер, известие о смерти Джамала сбили его с толку. Он переживал смешанные

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОСЬБА "МАЛЕНЬКОГО" ФУАДА

Рассказ

чувства и всеми силами пытался выбраться из путаницы мыслей, обуревающих его, и осознать все это.

Эсмер разглядывала рабочий кабинет Отгай. На стенах - разнообразные проекты отдельных зданий, площадей, улиц, большой портрет Мамеда Эмина Расулзаде.

- Хорошо, что ты меня сразу узнал, - сказала Эсмер и вновь спросила: - Я сильно изменилась?

Отгай учтиво ответил: - Нет. Конечно, прошли годы, мы оба поседел. Когда умер Джамал?

- Два месяца тому назад. Инфаркт.

Эсмер стала рассказывать об их жизни в последние годы:

- Джамала отозвали с дипломатической службы за рубежом. В связи с начавшейся перестройкой назначили нового министра, который стал по одному извлекаться от старых кадров. Он был ярким шовинистом. После провозглашения Азербайджаном независимости он сказал Джамалу: "Возвращайтесь в свою независимую республику". Один из его замов был армянин, он ненавидел Джамала. Одним словом, вскоре Джамала сняли с работы и отправили на пенсию по самой низкой ставке. Спустя шесть месяцев дома...

Голос Эсмер задрожал:

- Прямо на наших глазах, в течение пяти минут он скончался. Мы даже не успели позвонить в скорую помощь.

Отгай, налив воду в стакан, протянул его Эсмер. Она сделала глоток и тихо произнесла: - Прости меня.

Наступила угнетающая тишина.

* * *

Фуад, расплатившись с таксистом, вышел из машины прямо перед укрещением, которому он отдал несколько лет своей жизни. Над дверью колыхался трехцветный флаг Азербайджана. При входе бородастый молодой человек в военной форме долго вертел в руке паспорт Фуада, тщательно рассматривая его со всех сторон. Потом, еще раз бросив взгляд на список, лежащий перед ним, наконец произнес:

- Проходите, второй этаж, 5-я комната.

Фуад непроизвольно ответил: - Знаю. По знакомой ему лестнице он поднялся на второй этаж и, открыв дверь в 5-ю комнату, вошел внутрь. Приемная несколько изменилась. Но за секретарским столом по-прежнему сидела, как и в его, Фуада, времена, Нелли. Несколько постаревшая и располневшая Нелли, увидев Фуада, моментально поднялась с места:

- Ооо, Фуад Гурбанович, здравствуйте, как вы?

- Спасибо, хорошо. А как ты, Нелли?

И не дожидаясь ответа Нелли, он добавил: - Я пришел на прием к Отгаю... Отгай бою. Он занят.

Нелли сказала: - Да, знаю. Я здесь отметила. Но придется немного подождать. У него посетитель. Чай?

- Нет, спасибо. Я подожду.

Он прошел и сел на стул. Он стал разглядывать такую знакомую ему приемную комнату. Особых изменений в ней не произошло. На дверях его бывшего кабинета были написаны имя и фамилия Отгай, а на двери напротив - имя и фамилия директора: ГАФУР АХМЕДЛИ.

Фуад не верил своим глазам. Это, говоря современным языком, гарт партиярат Гафур Ахмедов, который в свое время, будучи ответственным сотрудником в райкоме, снял с работы отца Фуада Гурбан киши? И теперь во время власти "Народного фронта" он оказался на такой важной должности? Немыслимо.

- Сейчас директором здесь является Гафур Ахмедов? - такой по сути бессмысленный вопрос задал Фуад, обращаясь к Нелли.

Нелли утвердительно кивнула.

- Он сейчас у себя? - задал еще один бессмысленный вопрос Фуад. Словно собирался зайти к нему.

Нелли ответила:

- Нет, но скоро придет. Он совершает намаз в соседней комнате.

"Как хорошо, что тогда я по странному капризу не пошел на то мероприятие, - размышлял Фуад. - Словно меня сбил с пути шейтан, убеждая, что я не должен идти и выступать там. Оказалось, что это не происки шейтана, а дело рук ангел-хранителя. Если бы я пошел и успешно выступил там, то меня бы обязательно назначили на место директора. Потому что вопрос Ахмеда Назарова уже был на 90 процентов решен. То, что я без уважительных причин не пришел на выступление, было очень плохо расценено, мол, что это за безответственность, что за неуважение. Если бы в дело не вмешался Шевгю, то даже с должности заместителя выкинули бы. Короче, таким образом, срок нахождения на должности директора Ахмеда Назарова был несколько продлен. Вплоть до того дня, когда..."

Этот день Фуад помнил очень хорошо. Через десять дней после прихода к власти "Народного фронта", так называемых "беев", молодые люди, вооруженные автоматами, ворвались в кабинет Назарова и скинули его теперь уже навсегда с его должности. В тот день Фуад немного простыл и не вышел на работу. О том, что случилось, ему сообщила по телефону Нелли. На следующий день Фуад написал и отправил свое заявление об отставке.

→ 13

Верно говорят, нет худа без добра. То, что Фуад не выступил на том решающем мероприятии, принесло ему пользу. Иначе и его, как Ахмеда Назарова, выдворили бы из кабинета под дулами автоматов.

* * *

- Где же вы остановились?

- У одной моей подруги, - ответила Эсмер. После некоторого замешательства она добавила:

- Я к тебе пришла именно с этой просьбой. Кроме тебя я ни к кому не могу так смело обратиться. Говорят, что это в твоих силах. Я хочу однокомнатную квартиру. Неважно, где она будет расположена, пусть даже на самой окраине города. Правда, подруга говорит, что мы можем оставаться у нее, сколько захотим. Но я же понимаю, что мы их стесняем. В их трехкомнатной квартире живут ее муж-инвалид, она сама и двое их детей. Мы согласны даже на самую маленькую комнату, лишь бы была крыша над головой.

* * *

Гафур Ахмедли, за ним здоровенный мужчина с автоматом на плече вошли в приемную. Гафур Ахмедли вскользь посмотрел на Фуада, сделал вид, что не узнал, хотя, скорее всего, узнал, и, сквозь зубы поздоровавшись, спешно прошел в свой кабинет. Но пришедший с ним борзатый мужчина, по всей видимости, телохранитель Ахмедли, узнал Фуада.

- Ооо, Фуад малайлим, - сказал он, - как ты тут оказался? Все хорошо, надеюсь...

"Интересно, откуда меня знает этот противный тип", - подумал Фуад.

- Ты что, меня не узнал? Зейдулла я. Последний раз мы виделись с тобой в аэропорту. "В аэропорту", Фуад пытался вспомнить. В это время мужчина с автоматом сказал: - Я ниспильником работал тогда.

И тут, в одно мгновение Фуад вспомнил этого громилу, явно получившего при новой власти большие полномочия, человека, которого он знал еще с начальной школы, эту сомнительную личность, связанную с неприятным происхождением, о котором ему не хотелось вспоминать. Это был Зейдулла, с которым он, действительно, через много лет встретился в аэропорту, где тот в то время работал ниспильником. Вспомнил он и часто используемое им непонятное слово "охаратана".

- Зейдулла.

- Да, Зейдулла я...

- Видишь да, товарищ Фуад, - сказал он, произнося слово "товарищ" с искривляемой иронией. - У кого-то все хорошо в начале, а у кого-то в конце.

- Да, это так. Ты теперь телохранитель Ахмедова?

- Да, Гафур бей - сосед моего племянника, сына моего брата. Он взял меня на работу, дай бог ему здоровья, даже принял в члены своей партии.

- Партии? У Ахмедова есть партия?

- А как ты думал? Гафур бей создал партию "Иршад". Это партия религиозных людей. Мы работаем честно.

* * *

Оттай закурил. Он оказался в очень трудном положении. За какие-то мгновения перед его глазами прошла история его отношений с Эсмер, начавшихся и

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОСЬБА

"МАЛЕНЬКОГО" ФУАДА

продолжавшихся на протяжении всех школьных лет. В старших классах эти отношения еще чуть-чуть и могли бы перейти в любовь, но, к сожалению, так и не перешли. По всей вероятности, их чистые, дружеские отношения могли бы со временем перерасти в нечто большее, и они могли бы стать хорошей семьей. Но совершенно неожиданно для всех Эсмер вышла замуж за их учителя английского Джамала, который был намного старше их всех. И Оттай, и все одноклассники и одноклассницы были в шоке. Сплетни, предположения, версии, слова, сказанные по этому поводу с добрыми и недобрыми намерениями, еще долго витали в воздухе.

Через некоторое время Джамала отправили в Москву, где он перешел на дипломатическую службу и работал в разных зарубежных странах. Естественно, что и Эсмер уехала вместе с мужем, и с этих пор погрузилась в совершенно иной мир. Она оказалась вдалеке от родного города Баку, от матери, от старого дома в Ичери шехер, от школьных друзей. И лишь один раз, накануне дня рождения Оттая она вдруг неожиданно прилетела в Баку на один день, чтобы поздравить его. И хотя весь этот день они провели вместе, но в своих неопределенных отношениях не перешагнули границы, созданных временем, общественным мнением, образом жизни.

Когда Эсмер в очередной раз заговорила об аристократическом образе жизни своего мужа, Оттай жесткоотреагировал, и они очень холодно расстались в аэропорту. Оттай показало, что в этот раз они расстались навсегда, что больше никогда и нигде они не встретятся. Но на следующий день, когда от Эсмер пришла телеграмма со странной подписью - Камикадзе, Оттай понял, что со стороны выглядывающая весьма благополучной жизнь Эсмер не настолько безоблачна и беззаботна, он понял, что все свои беды, горести, желания, не вызывая окружающих, она, не делясь ни с кем, несет в себе.

И вот, через много лет после того, как жизнь прошла, перед Оттаем сидела постаревшая, поблекшая, беспомощная и беззащитная женщина, которая потеряла не только мужа, но и привычный образ жизни. Она ждала от Оттая помощи. Но, к сожалению, Оттай никак не может ей помочь. И объяснить Эсмер причину этого ему нелегко. А причина в том, что, когда Оттаю предложили эту должность, которую он нехотя принял, он дал себе слово, что никогда ничего противоречащего закону, даже ради друзей, знакомых, не совершит, что будет работать честно.

Как ему объяснить все это Эсмер, пришедшей из совершенно другого мира? Даже если Оттай сделал бы какие-то

шаги, чтобы помочь Эсмер, то как он мог бы добиться согласия Гафура Ахмедли, который в свое время был ярым коммунистом, а теперь стал религиозным радикалом? "Как, для кого ты хочешь квартиру, для вдовы презренного советского дипломата? - скажет он. - Для человека, который до сих пор носит в кармане русский паспорт? А что мы ответим тысячам наших граждан, ждущих своей очереди на квартиру? Я еще не говорю о нападках прессы в наш адрес по этому поводу?" Понятно, Гафур Ахмедов есть Гафур Ахмедов, но дело в том, что в своих доводах, которые он мог высказать, он был бы прав.

Эсмер, словно прочитав сомнения Оттая, усталым и изнуренным голосом произнесла:

- Я тебя поставила в трудное положение, не так ли?

Оттай словно клещами выдергивал из себя слова:

- Знаешь, Эсмер, - сказал он и не смог дальше продолжить. Как ему было сказать, что она просит невозможного, что он не может выполнить ее первую, последнюю и единственную просьбу, как бы он ни хотел этого.

Эсмер, не сказав ни слова, встала. Теперь это была прежняя Эсмер - гордая, все понимающая с полуслова, ни при каких обстоятельствах не преклоняющая своей головы ни перед кем женщина.

- Постой, - вдруг воскликнул Оттай. Ему внезапно пришла в голову мысль, от которой он готов был пуститься в пляс. Он нашел выход. И с радостью в голосе он сказал Эсмер:

- Вы будете жить в моей квартире.

Эсмер с удивлением переспросила: - В твоей квартире? Как это...

- Очень просто. В моей двухкомнатной квартире.

- А как же ты, твоя семья?

- У меня нет семьи. Я один. Ты не знала?

Эсмер, конечно, знала. Знала, что он живет один. Из чисто женского любопытства даже узнавала, что он никогда не был женат. Разговаривая с подругой по телефону, каждый раз получала о нем исчерывающую информацию. Но это ведь не было решением вопроса.

- А как же ты?

- По службе я имею две комнаты на Правительственной даче в Зугульбе, - сказал он. И это было правдой. - Я все равно крутлый год остаюсь там, - продолжил он. А вот это была ложь, так как он обычно имел возможность оставаться там от силы один или два дня в месяц.

- Нет-нет... - Эсмер все еще не могла прийти в себя, не зная, как, каким образом ей нужно отказаться от этого неожиданного предложения...

Оттай, достав из кармана ключи, протянул их Эсмер со словами:

- Мой шофер вас отвезет и поможет перевезти ваши вещи.

Лицо Эсмер озарило светом, словно в мгновение стерлись с него все тяготы, неопределенности, заботы последних дней, и она стала прежней, немного капризной, немного кокетливой, но милой и доброй Эсмер. Вытянув шею, она поцеловала Оттая в щеку. По телу Оттая побежали мурашки. За пятидесятилетнюю историю их отношений Эсмер впервые поцеловала его.

* * *

Фуад посмотрел на часы, он уже полчаса ждал, "интересно, я тоже заставлял всех пришедших ко мне на прием столько ждать?" С приятным чувством вдруг вспомнил, что когда-то вот этого Оттая, впервые и единожды пришедшего к нему на прием, он не заставлял ждать даже минуту. В этот момент открылась дверь кабинета, и оттуда вышли сперва женщина с седыми волосами, а за ней и сам Оттай.

- Здравствуй, Фуад, - сказал Оттай, - прости, что заставил тебя немного подождать, на то была уважительная причина. Ты не узнал Эсмер?

"О боже, неужели эта седовласая женщина - Эсмер? Эсмер, из-за которой все мальчишки школы, в том числе и он сам, теряли головы", - пронеслось в голове Фуада. А Эсмер тоже не сразу узнала Фуада, а вспомнив, сказала:

- Рада встрече, Фуад.

- Я тоже рад. Как ты... еее... как вы, Эсмер... ханум?

- Спасибо...

Оттай проводил Эсмер до дверей и пригласил Фуада в кабинет:

- Проходи...

Фуад зашел в знакомый кабинет, невольно окинул его взглядом. Указывая на проекты на стене, спросил:

- Это твои проекты?

- Нет, ни один из них не мой.

- ???

- Все эти проекты принадлежат покойному Фуаду Салахлы, а мы прилагаем все усилия, чтобы реализовать хотя бы некоторые из них.

- Да, теперь Фуад Салахлы герой нашего времени.

Оттай почувствовал в этих словах легкую иронию и потому очень категорично произнес:

- Фуад Салахлы был героем и того времени.

Они словно не находили слов для разговора. Хотя Фуад, без сомнения, пришел сюда по какому-то делу. Наконец, чтобы снять возникшую напряженность, Оттай сказал:

- Видишь, Фуад, было время, когда-то ты меня принимал в этом кабинете, а теперь я тебя.

Фуад вспомнил и повторил слова телохранителя Ахмедли, сказанные ему:

- У кого-то все хорошо в начале, а у кого-то в конце.

- Прекрати, дорогой, - сказал Оттай.

- Поверь, мне и во сне не приснилось бы, что я когда-нибудь займу эту должность.

- Если не ты, то кто другой мог занять это место?! Ты же единственный профессионал среди этих "беев".

Оттай, словно не слыша этих слов, произнес:

- Бей настоял.

- Кто?

- Большой бей, Эльчибей, Президент. Когда-то нас познакомил Фуад Салахлы. Они были друзьями. Видимо, с тех пор он меня запомнил. Однажды вызвал ме-

ня. Сказал, что нужна поддержка религиозных групп, поэтому временно назначили директором Гафура Ахмедли. "Но на таком важнейшем участке должен быть честный человек, которому можно доверять. И еще я помню, как о тебе хорошо отзывался покойный Фуад Салахлы. И теперь, если ты займешь эту должность, то и его душа упокоится", - сказал он. И я согласился.

- И правильно сделал. А Абульфаз бей сделал верный выбор. Верно и то, что вы возродили работы Фуада Салахлы, которые в свое время он не смог претворить в жизнь. Но...

Оттай тут же задал вопрос:

- Что но?

- Но для того, чтобы поднять одного, необязательно валить другого.

- И кого же мы валим?

Фуад достал сигареты:

- Можно?

- Конечно.

Фуад закурил, сделал затяжку:

- Да того же самого Шевгю Шафизаде... Я к тебе пришел как раз по этому вопросу.

- И что же случилось с Шевгю Шафизаде?

- Будто не знаешь? Сносят подряд все дома, которые он построил.

- Лицо города должно осовремениваться. Даже Михаила Усейнова несколько домов снесли.

- Напрасно, ведь ты, как архитектор, знаешь, что строения это еще и символы времени, эпохи.

- Вот поэтому и сносят. Говорят, что не должно оставаться ничего, напоминающего советский период. По правде я сам против таких крайних мер. Но очень часто не могу доказать свою правоту. И знаешь, кто больше всех в этом вопросе проявляет рвение? Мой директор.

- Ладно, скажем, здания - это олицетворение советского режима, а улицы в чем виноваты?

- Улицы?

- Да, улицы. Рима...Румия...моя супруга...

- Знаю. Дочь Шевгю Шафизаде...

И тут Фуад в несколько резкой форме прервал собеседника:

- Да, она дочь Шевгю Шафизаде. И она целыми днями плачет, что к ее отцу относятся как к врагу. Мало им того, говорит она, что подряд сносят построенные им дома, даже название улицы изменили. И как будто специально назвали эту улицу именем Фуада Салахлы. Словно не нашлось другой улицы...

- Но ведь это улица, на которой жил Фуад Салахлы...

- Шевгю Шафизаде тоже жил на этой улице.

- Ты прав. Это кто-то нарочно сделал. Ведь все знают, что они не ладили при жизни. По правде сказать, я не в курсе того, как это произошло. Вероятно, кто-то из злопамятных захотел, чтобы Шевгю Шафизаде получил по заслугам за все то, что он сделал плохого Фуаду Салахлы. Не обижайся, Фуад, ведь многие считают, что во всем, что пришлось пережить Фуаду Салахлы, в том, что при жизни ни один его проект не был реализован, замешан именно Шевгю Шафизаде.

Фуад не захотел углубляться во все подробности противостояния Шевгю Шафизаде - Фуад Салахлы. Не для этого он пришел сегодня сюда. Его просьба касалась совершенно другого вопроса.

- Я пришел к тебе с первой и последней просьбой, - сказал Фуад. - Пусть хотя бы памятную доску на стене дома, где жил Шевгю, не снимают. Румия не выдержит этого. У нее больное сердце. Я прячу от нее газеты, в которых пишут о Шевгю.

Оттай покачал головой:

- К сожалению, такие вещи случались и раньше, случаются они и сегодня. Фуад, знаешь, я не хочу давать тебе ложных обещаний. Но по мере сил буду стараться, чтобы его памятную доску не сняли. При всех случаях, что бы ни говорили, и у Шевгю Шафизаде были определенные заслуги.

Фуад встал и, протягивая руку Оттаю, сказал:

- Спасибо, Оттай.

Фуад вышел из кабинета со смешанными чувствами. С одной стороны, Оттай сдержал свое слово и принял его, даже упомянул о заслугах Шевгю. С другой - не было полной уверенности в том, что Оттай, даже если очень захочет, сможет выполнить его просьбу. "В любом случае смогу хоть немного успокоить Румию", - подумал он.

Фуад вышел на улицу. Как обычно, купил в киоске несколько газет. Усевшись на скамейке в сквере Сабира, он начал их просматривать. На первой странице газеты "Азатлыг" были помещены большие фото Шевгю Шафизаде и его, Фуада. Он начал читать статью, размещенную под их фото, которая была озаглавлена "Разрушенные устои".

"Здания, спроектированные советским архитектором Шевгю Шафизаде в уродливом коммунистическом стиле, сносятся одно за другим. Слава Богу, что изменено и название улицы, носящей его имя. Теперь эта улица носит имя гениального архитектора, настоящего патриота Фуада Салахова, который подвергался безжалостным репрессиям со стороны советского режима, в частности, испытал на себе жесткое давление преследования со стороны именно Шевгю Шафизаде, который был в то время депутатом и лауреатом. Источник доводит до сведения читателей, что для отличия от Фуада Салахлы называемый "маленьким Фуадом" Фуад Гурбанович Мехдиев по протекции своего тестя, того самого Шевгю Шафизаде, в советское время занимал высокие руководящие посты. В настоящее время он на пенсии"...

Один из проезжающих мимо атомобилей остановился прямо напротив сквера. Открылась дверь, из машины вышел молодой человек с кудрявой шевелюрой. Из открытой двери машины доносились слова песни:

Любимая идет на свидание

Скользя, скользя...

Фуад, отбросив газету в сторону, громко рассмеялся.

"Скользя, скользя... это что, любимая спешит на свидание на санях?"

Он еще долго смеялся и никак не мог остановиться. Молодой человек с удивлением смотрел на этого смеющегося человека, который отбросил в сторону газету, которую до этого читал. "Интересно, какая такая смешная история описана в газете, что этот немолодой мужчина так хохочет, прямо заходится в смех?"

5-8 октября 2023 года
Анкара, Стамбул

Перевела Флора НАДЖИ